

Изначально Шэн Тинцзин привел Гу Юаньцина в лабораторию, чтобы оценить его потенциал.

В конце концов, он считал себя инвестором Гу Юаньцина, так что обязан был сначала прощупать почву. Кто же знал, что Тифу устроит такое представление.

Шэн Тинцзин взглянул на часы — подошло время обеда.

Он отодвинул в сторону грифельную доску, всю исписанную плотными рядами данных. Почерк был настолько неразборчивым, что даже профессионал вряд ли разобрал бы, что там начертано.

Пожалуй, это была единственная ретро-вещь в его лаборатории. Ему нравилось писать и рисовать на доске, особенно когда ладони покрывались меловой пылью — в такие моменты на душе становилось необычайно спокойно.

На огромном экране управления двое, взрослый и ребенок, ползали по полу, отыскивая детали, и о чем-то весело переговаривались. Неизвестно, что их так развеселило.

Шэн Тинцзин взял влажную салфетку, чтобы вытереть руки, не отрывая взгляда от экрана:

— Тифу, приготовь ужин.

— Слушаюсь. Ужин готов, пожалуйста, проследуйте в столовую.

Императорский дворец.

Поскольку покойный император Нин Чжэ питал слабость к культуре древности, большинство зданий во дворце были выстроены в стиле старинных садов.

Этот живописный уголок был личными покоями королевы. Шэн Юнь стояла на нефритовом мостике, держа в руках маленькую фарфоровую чашечку, и дразнила стайку рыб, дерущихся за корм под мостом.

Шэн Юньшэн поднялся на мостик, подошел к Шэн Юнь и с поклоном поприветствовал её, а затем, выпрямившись, прошептал что-то ей на ухо.

Услышав это, Шэн Юнь слегка удивилась. Бросив горсть корма в воду, она произнесла:

— Янь Хуэйфэн? Это довольно неожиданно.

Серебристые рыбки в пруду сбились в кучу, яростно расталкивая друг друга головами в борьбе за каждую кроху. Чем ожесточеннее была их схватка, тем больше это забавляло Шэн Юнь.

Видя, что госпожа медлит с указаниями, Шэн Юньшэн, как прилежный подчиненный, решил уточнить следующий шаг.

Следующий шаг?

Шэн Юнь немного подумала:

— Пойди и напугай его. Не хватало еще, чтобы мой глупый братец по доброте душевной бесплатно отыграл роль Симень Цина в чем-то спектакле.

Шэн Юньшэн почесал в затылке, не понимая, о чем речь:

— Ваше Величество, простите... кому именно напомнить?

— Ох! — Шэн Юнь лишилась дара речи.

Кого это Шэн Чунцзин ей подсунул? Даже простых вещей понять не может.

Если бы не кровное родство и не личная просьба Шэн Чунцзина, она бы давно отправила его обратно в утробу матери на переработку.

Шэн Юнь решила больше не ходить вокруг да около и отдала прямой приказ:

— Передай Янь Хуэйфэну мои слова: раз его люди суют нос в дела моего брата, пусть он их призовет к порядку. А если не умеет воспитывать своих — я сама займусь их воспитанием.

Сказав это, она вспомнила еще об одном деле и, повернувшись к Шэн Юньшэну, спросила:

— А что в последнее время делает Шэн Хэ?

На этот вопрос Шэн Юньшэн ответил сразу:

— Ничего не делает.

Шэн Юнь от возмущения судорожно вдохнула воздух. Глядя на самодовольное лицо Шэн Юньшэна, она не нашла слов — да и говорить было не о чем.

Она хотела узнать, чем занят Шэн Хэ, а Шэн Юньшэн совершенно не понял сути вопроса и с предельной серьезностью отрапортовал, что тот бездействует. Его непроходимая глупость вызывала лишь сочувствие.

Четыре слова заставили королеву почувствовать, что жизнь потеряла всякий смысл.

Ужин был готов, и Шэн Тинцзин сказал им заканчивать с делами.

Когда Гу Юаньцин поднялся, он почувствовал, что ног почти не ощущает — слишком долго просидел в одной позе, конечности затекли.

Троица в мгновение ока переместилась в столовую. Шэн Тинцзин посмотрел, как Гу Юаньцин, прихрамывая и опираясь на стул, садится, и поинтересовался:

— Что случилось? Порезался деталями?

Гу Юаньцин отмахнулся:

— Нет, просто ноги затекли.

Тут уж ничего не поделаешь. Затекшие ноги — неизлечимый недуг. Несмотря на весь прогресс медицины, никто до сих пор не придумал, как избавиться от онемения после долгого сидения на корточках.

— Приступай к еде. Я попросил Тифу приготовить твои любимые блюда, не знаю, придутся ли они тебе по вкусу.

Гу Юаньцин окинул взглядом стол, ломящийся от яств. Такого изобилия хватило бы на семейный новогодний ужин, а тут — всего двое едоков, явное расточительство.

Хотя он так и подумал, вслух произносить не стал. Наверное, у аристократов так принято — не садиться за стол, если блюд меньше десяти.

<http://bllate.org/book/22360/2344204>